

[Горский А. В., *прот.*] Письмо Мары Самосатского к сыну его Серапиону // Прибавления к Творениям св. Отцов 1861. Ч. 20. Кн. 4. С. 613–628 (1-я пагин.).

ПИСЬМО МАРЫ САМОСАТСКАГО

КЪ СЫНУ ЕГО СЕРАПИОНУ.

Не много дошло до насъ изъ перваго вѣка христіанства постороннихъ извѣстій или отзывовъ, относящихся до Церкви христіанской, ея начала, ея Основателя и первыхъ распространителей проповѣди евангельской. Да и въ томъ, что дошло, истина, подъ вліяніемъ предразсудковъ, не рѣдко представляется въ обезображенномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе, любознательность сильно возбуждается всякимъ новымъ отголоскомъ изъ такого отдаленнаго времени. Если въ этомъ отголоскѣ, происходящемъ не съ мѣста самыхъ событій, не отъ ближайшихъ свидѣтелей ихъ, истина слышится, иногда, и въ половину только, — недосказанное легко дополнить, искаженное объяснить: но этотъ отголосокъ, эти непонятныя или недоговоренныя рѣчи служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ дѣйствительности событій, о которыхъ говорится, и представляютъ въ разныхъ, любопытныхъ отраженіяхъ ихъ вліяніе на современниковъ.

Въ недавнее время ученымъ англійскимъ путешественникомъ Куртономъ, между различными письмен-

ными памятниками, найденными имъ на востокѣ, издано письмо Мары, сына Серапіона, къ сыну его Серапіону (а). Въ этомъ письмѣ, среди различныхъ наставленій Мары, среди намековъ его на обстоятельства своей жизни, среди жалобъ на свои несчастія, встрѣчается указаніе на послѣднія событія евангельской исторіи, хотя и безъ имени Іисуса Христа.

Мы относимъ этотъ памятникъ не къ числу христіанскихъ свидѣтельствъ, какъ дѣлаетъ это издатель, и не къ тому времени, къ какому онъ приурочиваетъ его. И думаемъ, что имѣемъ основанія отступить отъ его мнѣнія, соображаясь съ содержаніемъ самого письма и съ отзывомъ болѣе разборчивой критики нѣмецкихъ ученыхъ (б).

Мара начинаетъ свое письмо къ сыну одобреніемъ его занятій въ наукахъ и изъясненіемъ радости о его успѣхахъ, о которыхъ получилъ онъ свѣдѣніе отъ воспитателя Серапіона. Какъ видно, сынъ Мары отправленъ былъ отцемъ изъ своего отечества въ какой либо изъ греческихъ городовъ, для образованія. Но, скоро прекращая объ этомъ рѣчь, Мара говоритъ, что написалъ своему сыну это письмо, собственно на память о томъ, что самъ испыталъ въ мірѣ семъ. «Жизнь человѣческую я испыталъ, нишетъ онъ,—прошелъ чрезъ школу воспитанія: и всѣ сіи наставленія греческой мудрости рушились, со времени рожденія въ жизнь». Послѣднія слова

(а) Cureton, *Spicilegium Syriacum*, p. 43—48. Londini 1855.

(б) Ewald, in *Gött. Gelehrt. Anzeig.* 1856 s. 661.

темны, замѣчаетъ издатель, — и думаетъ видѣть въ нихъ намекъ на мысль о возрожденіи къ новой, духовной жизни, въ христіанствѣ. Но такое объясненіе не подтверждается ничѣмъ послѣдующимъ. Идей собственно христіанскихъ не видно въ посланіи. Есть разсужденія о превратностяхъ жизни, о непрочности земныхъ благъ: но онѣ встрѣчаются и не у христіанскихъ писателей. И если бы Марѣ имѣлъ въ виду указать на другія утѣшенія, кромѣ мудрости человѣческой, то нельзя удовлетворительно объяснить, почему въ послѣдствіи не говоритъ о нихъ, а внушаетъ только заниматься мудростію. Французскій оріенталистъ Ренанъ, какъ замѣчаетъ самъ издатель, приведеннымъ неяснымъ словамъ даетъ совсѣмъ иной смыслъ: «все, что знаю, узналъ я отъ Греціи». Но и держась англійскаго перевода, и допуская, что мысль о возрожденіи занята писателемъ изъ христіанства, мы не можемъ однакожь сказать, чтобы она была господствующею въ душѣ его, какъ надлежало ожидать отъ просвѣщеннаго вѣрою Христовою, и собственнымъ опытомъ дознавшаго надъ собою ея силу. Можетъ быть, Мара началъ только прозрѣвать. Знакомство съ истинами христіанства должно было довершить образованіе его христіанскаго характера и мысли: но теперь онъ былъ только на пути къ этому. Подобно тому, какъ Климентъ Римскій (въ Клементинахъ), какъ св. Іустинъ Философъ, какъ Климентъ Александрійскій, путемъ знакомства съ философскими ученіями, были приведены къ познанію истины во Христѣ: такъ и Мара, знакомый съ греческою образованностію, но не удовлетворяясь ею, обстоя-

тельствами жизни вразумленный въ непрочности всего земнаго, когда услышалъ о новомъ ученіи, христіанскомъ, которое началò распространяться даже въ сосѣднемъ съ Самасатою городъ Эдессъ, могъ плѣниться имъ, но еще не отдавшись ему съ полною вѣрою, изъясняя его по своему разумнію, ограничился усвоеніемъ себѣ только нѣкоторыхъ его идей, и ими воспользовался въ письмѣ къ сыну, самъ не вполне сознавая всю глубину ихъ значенія.

Внушая потомъ слѣдовать урокамъ мудрости, Марѣ совѣтуетъ сыну своему укрѣпляться въ томъ, что уже началъ онъ усвоить себѣ, не увлекаться пристрастіемъ ни къ богатствамъ, ни къ славѣ суетной. При этомъ касается онъ и тѣхъ скорбей, какія испытываетъ любовь родительская въ заботахъ о своихъ дѣтяхъ, и въ слѣдъ за тѣмъ говоритъ: «о моихъ товарищахъ я слышалъ, что когда они отправлены были изъ *Самосаты*, то это опечалило ихъ, и они говорили: теперь навсегда мы должны разстаться съ своими жилищами, не можемъ возвратиться въ свой городъ, видѣть своихъ согражданъ, и молиться своимъ богамъ. Небудетъ неприлично назвать день сей днемъ сътованія: потому что тяжкая скорбь посѣтила всѣхъ ихъ. Со слезами вспоминали они о своихъ отцахъ, и со вздохомъ о матеряхъ своихъ; скорбѣли они о своихъ братьяхъ и оплакивали своихъ невѣстъ, которыхъ принуждены были оставить. И, когда получили мы это извѣстіе о своихъ прежнихъ товарищахъ, что идутъ они въ *Селевкию*, тогда тайно вышли мы на дорогу къ нимъ, и соединили наши скорби съ ихъ скорбями. Велика была тогда

скорбь наша, слезы наши усиливались мыслю объ утратахъ нашихъ. Не было между ними ни одного, кто бы способенъ былъ умѣрить скорбь, тяготѣвшую надъ ними. Любовь къ жизни боролась съ муками смерти, и наши бѣдствія потрясли насъ. Ибо мы видѣли нашихъ братьевъ и дѣтей плѣнными, вспоминали о нашихъ товарищахъ, которые или уже умерли, или отведены въ чуждую имъ страну. И каждый изъ насъ скорбѣлъ о самомъ себѣ; къ одной горести присоединялась другая; одна скорбь шла слѣдомъ за другою». Въ этомъ усиленномъ описаніи своихъ бѣдствій Маръ даетъ намъ нѣкоторыя черты, по которымъ можемъ нѣсколько опредѣлить его личность, его время и его положеніе. Изъ словъ его видно, что 1) онъ происходилъ изъ Самосаты, тамъ были его товарищи, братья и сродники,—но 2) въ ту пору, когда писалъ онъ къ своему сыну, находился уже не въ этомъ городѣ. 3) Его прежніе товарищи увлечены были оттуда какимъ-то насильственнымъ переворотомъ; должны были идти плѣнные въ чуждую страну. 4) Но и самъ Маръ, какъ видно, недобровольно оставилъ свой городъ; вмѣстѣ съ ихъ участію онъ оплакивалъ и свою горькую судьбу; только онъ ранѣе ихъ долженъ былъ оставить свой городъ. 5) Когда его соотечественники проходили въ Селевкию, Маръ, находясь въ то время близъ этого города, или въ немъ самомъ, конечно, по опасенію со стороны наблюдавшихъ за нимъ, тайно вышелъ на встрѣчу проходившимъ плѣнникамъ, и смѣшалъ свои слезы съ ихъ слезами. 6) Соотечественники Мары были язычники: потому что, оставляя свой городъ съто-

вали на то, что не могутъ болѣе поклоняться въ немъ своимъ богамъ.

Городъ *Самосата* былъ главнымъ городомъ небольшого Коммагенскаго царства, на берегу р. Евфрата. Цари его были изъ рода Селевкидовъ, господствовавшихъ въ Сиріи, но во время преобладанія римлянъ на востокъ, мало по малу, впрочемъ позднѣе другихъ самостоятельныхъ владѣтелей Сиріи, утратили свое владычество. Лукуллъ, Помпей, Маркъ Антоній въ свое время пользовались ихъ сокровищами, позволяя имъ именоваться царями. Императоръ Августъ, за невѣрность царя коммагенскаго Антіоха (въ 29 г. предъ Р. Хр.), вызвалъ его въ Римъ, и здѣсь лишилъ его жизни: но потомки Антіоха, еще окола столѣтія, удерживали за собою отеческій престолъ. Послѣднимъ изъ нихъ былъ Антіохъ IV, котораго судьбу довольно обстоятельно описываетъ современникъ его, вѣроятно, знавшій его лично, іудейскій историкъ Іосифъ Флавій (в). Во время послѣдней войны римлянъ съ іудеями, Антіохъ, какъ союзникъ народа римскаго, долженъ былъ привести противъ Іерусалима свои войска, носившія славное имя македонцевъ. Но, когда война іудейская кончилась, правитель Сиріи, Цезенній Петъ, подъ предлогомъ сношеній Антіоха съ царемъ парѳянскимъ и замысловъ противъ владычества римлянъ, съ разрѣшенія императора, внезапно занялъ своимъ войскомъ Коммагену. Антіохъ съ женою и

(в) Josephi Flavii de Bello Iudaico. Lib. II. cap XVIII. § 9. Lib. V. cap. XI. § 3.

дѣтьми бѣжалъ изъ своей столицы и, остановившись въ 130 стадіяхъ отъ нея, хотѣлъ ожидать, пока объяснится несправедливость подозрѣній противъ него: но его сыновья считали для себя стыдомъ уступить насилію безъ защиты. Тогда, оставивъ ихъ спорить съ римлянами, Антиохъ, съ женою и дочерьми, побѣжалъ въ Киликію. Здѣсь, въ Тарсѣ посланный Пета настигъ его и въ узахъ отослалъ въ Римъ. Но императоръ Веспасіанъ возвратилъ его съ дороги, и снявъ съ него узы, назначилъ ему жить въ Лакедемонѣ (г). Это было въ 72 году по Р. Х. Съ той поры Коммагена лишилась своихъ царей. Веспасіанъ навсегда причислилъ ее къ имперіи римской.

Не такъ легко опредѣлить, какой городъ разумѣется въ письмѣ Мары подъ именемъ *Селевкии*: потому что въ древнемъ мірѣ многіе города имѣли такое имя. И во первыхъ, близъ самой Самосаты была крѣпость съ именемъ Селевкии (д). Но, конечно, не она здѣсь разумѣется. По словамъ Мары, городъ этотъ долженъ находится уже въ значительномъ отдаленіи отъ отечества плѣнниковъ. Извѣстны еще двѣ Селевкии: одна близъ столицы сирской, Антиохіи, знаменитый приморскій городъ, чрезъ который Антиохія находилась въ сообщеніи со всѣми странами, лежащими при Средиземномъ морѣ (е). Другая въ Киликіи, недалеко отъ Тарса, гдѣ пріостано-

(г) Lib. VII. cap. VII. § 1—3.

(д) Ritter Erdkunde. X. B. s. 878.

(е) Ritter. XVII. 2. B. s. 1233.

вился Антиохъ Коммагенскій и былъ задержанъ римлянами. Въ отношеніи къ Тарсу, эта Селевкія находилась въ такомъ положеніи, что слѣдовавшіе изъ Сиріи въ Селевкію должны были проходить мимо Тарса. Вѣроятно, эта Селевкія и разумѣется въ письмѣ Мары.

Итакъ надобно положить, что Марѣ былъ изъ спутниковъ послѣдняго царя коммагенскаго въ его бѣдственномъ странствованіи. Догадка эта, кромѣ сообразности съ вышеизложенными обстоятельствами, подтверждается и послѣдующимъ, какъ увидимъ. Но продолжимъ изложеніе и разсмотрѣніе письма

«Что касается до тебя, мой возлюбленный, — пишетъ Мара, — то не печалься, что ты принужденъ переходить съ мѣста на мѣсто: ибо люди рождены на тотъ конецъ, чтобы испытывать всѣ случайности времени. Держи въ умѣ своемъ, что для мудраго каждое мѣсто равно хорошо, и для добродѣтельныхъ много отцевъ и матерей въ каждомъ городѣ. Возьми въ примѣръ хотя самого себя. Сколько людей, незнакомыхъ тебѣ, любятъ тебя, какъ своихъ собственныхъ дѣтей, и сколько жещинъ принимаютъ тебя и обращаются съ тобою, какъ съ своими возлюбленными дѣтьми. По истинѣ ты счастливъ въ своемъ странствованіи»

Но отъ этой успокоительной картины Марѣ снова переходитъ къ смятеніямъ въ мірѣ семъ и, изъ разсмотрѣнія разныхъ положеній въ жизни, выводитъ одно заключеніе: «мы блуждаемъ на пути невѣрномъ». Въ подтвержденіе сего, онъ приводитъ слышанныя имъ изъ устъ одного мудреца слова. «Нѣкто изъ мудрыхъ нѣкогда говорилъ намъ: на какое изъ сво-

ихъ стяжаній челоѡкъ можетъ положиться? Или о какой изъ вещей можетъ сказать, что она прочна? О изобиліи и богатствѣ? но оно похищается. О твердыняхъ? но онѣ разрушаются. О городахъ? но они опустошаются. О величіи? но оно падаетъ. О блескѣ? но онѣ меркнетъ. О красотѣ? но она увядаетъ. О законахъ? но они проходятъ. О бѣдности? но она презирается. О дѣтяхъ? но они умираютъ. О друзьяхъ? но они измѣняютъ намъ. О почестяхъ? но ихъ сопровождаетъ зависть».

«Итакъ, — заключаетъ Маръ, — пусть челоѡкъ радуется своему могуществу, подобно Дарію, или своему счастью, подобно Поликрату, или своей силѣ, подобно Ахиллесу, или своей женѣ, подобно Агамемнону, или своему потомству, подобно Пріаму, или своему искусству, подобно Архимеду, или своей мудрости, подобно Сократу, или своей учености, подобно Пифагору, или своему просвѣщенію, подобно Парамеду (ж); жизнь челоѡческая, сынъ мой, въ міръ семъ не вѣчна, но добродѣтель и достоинство остаются навсегда» Это перечисленіе разныхъ знаменитостей, прославляемыхъ поэзіею, философіею и исторіею греческою, показываетъ въ Марѣ разностороннее знакомство съ образованностію греческою.

Показавъ скоротечность вѣншнихъ благъ и важность внутреннихъ, существенныхъ достоинствъ въ челоѡкѣ, просвѣщенный Маръ убѣждаетъ своего

(ж) Должно быть: *Паламидъ*, извѣстный сколько своимъ мужествомъ, столько же и изобрѣгательностію. Ему приписываютъ изобрѣтеніе мѣръ, вѣсовъ и проч.

сына быть умѣреннымъ въ своихъ желаніяхъ, стремиться болѣе къ пріобрѣтенію познаній, нежели богатства, помнить, что мудрости, истины не можетъ подавить, или отнять, даже владычество сильныхъ. «Мудрые люди, — говоритъ Мара, — увлекаются руками тиранновъ; ихъ мудрость берется въ плѣнь хитростію, и они беззащитно терпятъ угнетеніе своихъ убѣжденій. Но что пользы пріобрѣли аѳиняне умерщвленіемъ Сократа, въ возмездіе за то будучи постигнуты голодомъ и моровою язвою? Или что пріобрѣлъ народъ самосскій — сожженіемъ Пифагора, когда страна самосская совершенно покрыта была пескомъ? Или іудеи убіеніемъ своего мудраго Царя, ибо въ то же время ихъ царство было взято. Справедливо Богъ сдѣлалъ отмщеніе за мудрость сихъ трехъ. Аѳиняне умерли отъ голода, самосцы безпощадно поглощены моремъ, и іудеи, ограбленные и изгнанные изъ своего царства, разсѣяны по всѣмъ странамъ. Сократъ не умеръ, продолжая жить въ Платонѣ. Не умеръ и Пифагоръ, по причинѣ статуи Юноны (з). Не умеръ и мудрый Царь ради законовъ, которые Онъ провозгласилъ». Вотъ гдѣ содержится указаніе на лице Іисуса Христа, не всѣмъ точное и полное, но заслуживающее того, чтобы обращено было на него вниманіе.

Сопоставленіе трехъ примѣровъ, упоминаніе о Царѣ іудейскомъ на ряду съ Сократомъ и Пифагоромъ, подтверждаютъ сдѣланное выше замѣчаніе,

(з) Разумѣется то, что Пифагору поставлена была статуя въ Римѣ, какъ мудрейшему изъ грековъ.

что Мара еще не довольно былъ проникнуть христіанскими идеями. Какъ безсмертіе Пифагора онъ видитъ въ неумирающемъ къ нему почтеніи: такъ и Царя іудейскаго онъ признаетъ безсмертнымъ по его законамъ. Мара знаетъ о насильственной смерти, понесенной Царемъ іудейскимъ отъ іудеевъ: но для него и умерщвленный Онъ живъ въ своихъ законахъ. Такъ конечно не выразился бы вѣрующій въ Іисуса Христа, какъ Сына Божія, умершаго и воскресшаго. Мара признаетъ Его только въ званіи царя-законодателя. То былъ общій, политическій, взглядъ на лице Іисуса Христа въ невѣрующемъ мірѣ, іудейскомъ и языческомъ. Іудеи предають Іисуса Христа Пилату, яко именующаго себя Царемъ іудейскимъ (Іоан. 19, 21.). По городамъ обвиняють Его проповѣдниковъ, яко *творящихъ противно повелѣніямъ кесаревымъ, и глаголющимъ много быти Царя, Іисуса* (Дѣян. 17, 7). Не иначе, какъ царемъ земнымъ, представляли себѣ іудеи чаемаго ими Мессію. Мысль о явленіи царя завоевателя на востокъ была распространена въ тогдашнемъ мірѣ, около времени послѣдняго раззоренія Іерусалима римлянами (и). Подъ этимъ именемъ царя, знаетъ Его и Мара. Сколько ни представляется недостаточнымъ понятіе Мары о Іисусѣ Христѣ: но нельзя не видѣть въ язычникѣ уваженія къ Его имени. Онъ ставитъ извѣстнаго ему Царя іудейскаго на ряду съ такими лицами, выше которыхъ не знаетъ ничего

(и) Sueton. Vespas. c. 4. 5. Tacitus. Histor. 5. 13. Joseph Flav. de Bello Iud. L. VI. cap. 5. § 4.

въ исторіи. Въ постигшемъ народъ іудейскій бѣдствіи,—раззореніи и разсѣянii по всѣмъ странамъ,—онъ видитъ достойное наказаніе Божіе за несправедливо умерщвленнаго Царя іудейскаго (і).

Но въ разсматриваемомъ мѣстѣ нельзя опустить безъ вниманія и того, что говорится о Пифагорѣ: такъ какъ на этомъ, главнымъ образомъ, издатель основываетъ свою догадку о времени, когда жилъ Мара.

Не останавливаемся на несправедливомъ показаніи историческомъ, будто Пифагоръ былъ сожженъ самосцами: преданія о Пифагорѣ свидѣтельствуютъ, что сожженъ былъ только домъ вождя пифагорейскаго союза, и то не на островѣ Самосѣ, а въ Кротонѣ, городѣ южной Италіи. Мара говоритъ, что въ наказаніе за смерть Пифагора, Самосъ покрытъ былъ пескомъ. Дѣйствительно о. Самосъ подвергался такому бѣдствію. Тертуліанъ пишетъ (к): «по мѣстамъ и нынѣ міръ перемѣняетъ свой видъ отъ потрясеній земли: Делоса уже нѣтъ между островами, на мѣстѣ Самоса—пески, и Сивилла не лжетъ». Въ дру-

(і) Можетъ страннымъ показаться, почему Мара говоритъ, что іудей въ тоже самое время, какъ убили своего мудраго Царя, подверглись извѣстнымъ бѣдствіямъ: тогда какъ прошло 40 лѣтъ послѣ смерти Спасителя до раззоренія Іерусалима. Но Мара ставитъ на видъ скорость возмездія, какъ кажется, сравнительно съ бѣдствіями, постигшими Самосъ, уже чрезъ нѣсколько вѣковъ, послѣ извѣстнаго оскорбленія, причиненнаго мудрецу.

(к) De pallio. cap. 2.

гомъ мѣстѣ, это бѣдствіе, постигшее Делось и еще нѣсколько другихъ острововъ, Тертуліанъ относитъ ко временамъ до Тиверія, т. е. до явленія Іисуса Христа (л). Указаніе на Сивиллу сдѣлано въ томъ смыслѣ, что въ дошедшихъ до насъ Сивиллиныхъ книгахъ есть стихъ, пророчески угрожающій Самосу быть погребеннымъ подъ песками и Делосу исчезнуть.

Καὶ Σάμος ἄμμος ἐβῆ καὶ Δῆλος ἄδῆλος (м).

Издатель справедливо говоритъ, что замѣчаніе Мары о Самосѣ стоитъ въ прямомъ отношеніи къ этимъ словамъ Сивиллы; и на этомъ основаніи считаетъ себя въ правѣ относить письмо Мары къ тому времени, когда Сивиллины стихи часто приводимы были христіанскими писателями, т. е. ко времени св. Іустина мученика, Мелитона Сардійскаго и Тертуліана. — Но это основаніе недовольно твердо для такого заключенія. Ибо извѣстно, что стихи Сивиллины приводились и въ сочиненіяхъ, писанныхъ до Р. Христова, и III-я книга Сивиллина, гдѣ находится приведенный стихъ, содержитъ въ себѣ много іудейскаго, относящагося еще ко временамъ Птолемея (н). Итакъ не будетъ хронологической невѣрности, если этотъ стихъ, основывающій свои предсказанія на созвучіяхъ, отнесемъ ко временамъ ранѣе св. Іустина мученика, какъ и самое бѣдствіе такого рода,

(л) Apolog с. 40.

(м) Lib. III. v. 363.

(н) Hilgenfeld Iudische Apocalyphtik. s. 64 — 67. 70. Слнч Fabr. Bibl. Graec. Ed. Harles. T. I. p. 826.

по замѣчанію Тертуліана, дѣйствительно случилось ранѣе царствованія Тиверія. Не говоримъ уже о томъ, что такое изрѣченіе, какъ: *Σάμος ἄμμος ἔβη* и под., могло существовать въ видѣ ходячей народной поговорки и ранѣе, чѣмъ попало въ книгу.

Нравоучительное посланіе Мары далѣе говоритъ о несчастіяхъ, какія терпятъ люди въ обществѣ отъ своихъ страстей, и внушаетъ Серапіону вооружиться терпѣніемъ, великодушіемъ и любовью къ мудрости. Наставленія изложены въ общихъ чертахъ, и потому не представляютъ ничего особеннаго. Но затѣмъ Марѣ снова обращается мыслию къ личнымъ своимъ обстоятельствамъ.

«Въ прежнее время, когда городъ нашъ стоялъ во всемъ величій своемъ, ты могъ знать, что противъ многихъ людей говорились многія гнусныя слова. Но въ то же время мы знали, что многими намъ была оказываема приличная любовь и доброта. Время воспрепятствовало намъ привести въ исполненіе то, что рѣшено было въ умѣ нашемъ. Но и здѣсь, въ заключеніи темничномъ, мы благодаримъ Бога за то, что пользовались любовью многихъ: ибо мы старались пребывать въ мудрости и въ мирѣ. Но, если *нѣкоторые насильственно преслѣдуютъ насъ*, то они сами о себѣ свидѣтельствуютъ, что чужды они всякаго добра, и примутъ отмищеніе, преданы будутъ посрамленію. *Ибо мы явили нашу вѣрность, и то, что не имѣемъ никакихъ злоумышленій противъ имперіи.* Но если Римляне, слѣдуя справедливости, позволяютъ намъ снова возвратиться въ свою страну (пусть поступаютъ они, подобно милосердымъ людямъ), — тогда заслу-

жать они имя справедливыхъ, и страна, въ которой они обитаютъ, будетъ наслаждаться тишиною. Пусть явятъ они свое величіе, сдѣлавъ насъ свободными. Мы готовы повиноваться той власти, которую время назначило для насъ; но пусть они не обходятся съ нами, какъ тираны съ рабами. И какое бы мѣсто ни назначено было для нашего пребыванія, намъ не остается ничего болѣе желать, какъ спокойной смерти, которая суждена намъ»

Можетъ кому либо придти на мысль, не намечается ли здѣсь на какое либо гоненіе противъ христіанъ, которое не даетъ имъ свободно высказывать своихъ убѣжденій и имъ слѣдовать? Въ этомъ смыслѣ, и англійскій издатель указываетъ здѣсь на гоненіе при Маркѣ Авреліѣ, и этимъ еще ближе опредѣляетъ время письма. — Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этого мѣста, открывается, что Мара говоритъ здѣсь только о своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, и хочетъ оправдать себя противъ обвиненій, вслѣдствіе которыхъ страна комматгенская, какъ выше было замѣчено, подверглась внезапному нападенію римлянъ. Мара ясно говоритъ, что онъ теперь въ изгнаніи, и не только въ изгнаніи, но и въ заключеніи. Положеніе его соотвѣтствуетъ тому, что передаетъ Іосифъ Флавій о царѣ комматгенскомъ, который, даже подвергшись нападенію, не думалъ защищаться отъ оружія римскаго. Императоръ Веспасіанъ, дѣйствительно, повелѣлъ поступить съ нимъ снисходительно, и снялъ съ него узы.

Въ заключеніе Мара пишетъ: «теперь я помышляю о томъ, чтобы составить для себя книгу изъ моихъ

воспоминаній, и благоразумно окончить путь, которымъ суждено мнѣ идти, безпечально миновавъ золь и бѣдъ міра сего. Ибо я желаю разрѣшиться, и молюсь о томъ; смерть немного значить для меня».

Прослѣдивъ все письмо Мары, мы не находимъ достаточныхъ основаній приписывать его перу христіанина, но видимъ въ писателѣ нѣкоторое знакомство съ исторіею и съ идеями христіанства. Оно писано вскорѣ послѣ войны іудейской. Мара самъ могъ быть въ Іудеѣ, вмѣстѣ съ войсками своего государя, и тамъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія о евангельскомъ ученіи; или могъ слышать о немъ въ своей странѣ, отъ разсѣявшихся повсюду проповѣдниковъ евангелія, которые, еще ранѣе того, пріобрѣли Церкви перваго государя христіанскаго въ царѣ едесскомъ Авгарѣ Ухамо.

